

СЕРИЯ «ЗДЕСЬ И СЕЙЧАС»

АВТОБИОГРАФИЯ ПИРОГОВА ВАСИЛИЯ ЯКОВЛЕВИЧА. МЕМУАРЫ СКВОЗЬ ГОДЫ ВОЙНЫ.

*Переработано с копии тетради с воспоминаниями
максимально без изменений.*

ИСТОРИЯ ХОРОШЕГО ЧЕЛОВЕКА
О ЖИЗНИ ДО, ВО ВРЕМЯ И ПОСЛЕ ВОЙНЫ.

Г. ЧЕЛЯБИНСК 2020 Г.

12+

**Василий Яковлевич Пирогов
Игорь Константинович Ланъярд
Автобиография Пирогова
Василия Яковлевича.
Мемуары сквозь годы войны**

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51845687
SelfPub; 2020*

Аннотация

Вы держите эту рукопись благодаря счастливой случайности, а может быть, провидению. Ибо вряд ли человек, который написал эти мемуары, хотел славы или чего-то подобного. Но Подвиг, который он совершил, выжив на войне и выйдя из неё победителем, и жертвы, которые он принёс, должны хоть как-то окупиться нашим вниманием к его истории и благодарностью за то, как он жил и что сделал в назидание всем нам. Я сознательно оставил текст без редактуры, чтобы вы могли самостоятельно «услышать» голос того времени «из первых уст».

Содержание

1. Введение	5
2. Я, Пирогов Василий Яковлевич	7
3. Армия	11
4. В пригороде Кишинёва	15
5. В разведке	17
6. Плен	19
7. Работа в плену	23
8. Освобождение	27
9. На передовую	28
10. Свои бьют своих	38
11. Взятие Вены	40
12. Зачистки	44
13. Писарь	46
14. Демобилизация, март 1946	50
15. Мирная жизнь	52
16. В детстве	56
17. Послесловие	58

Не дай вам Бог жить в эпоху перемен.

(с) Конфуций.

Худой мир лучше доброй войны.

(с) Марк Туллий Цицерон.

1. Введение

Этот текст попал ко мне совершенно случайно, по какому-то неважному поводу. Человек, который написал эту свою биографию, мне неизвестен, только косвенно. Я видел его старую фотографию на стене. На ней мужчина средних лет. Простое лицо. Военная форма. По-моему, пехота. На руке командирские часы. Он дошёл до Берлина. Он победил фашизм.

Я не мог оставить эту историю в забвении и решил передать её всем. Потому, что ушедшая эпоха изменила навсегда ход истории. Тот подвиг, который совершили наши деды должен остаться в наших сердцах, в нашей памяти. Каждой семье на Русской земле коснулась та война. Для меня нет здесь разделения на родной-неродной. Василий Яковлевич сражался за Родину, а значит я не имею права не рассказать об этом. К сожалению, у меня нет такого подробного рассказа от моих дедов, но это мало что меняет, ведь отголоски Великой Отечественной доходят до нас до сих пор. Сколько ещё лежит в земле солдат, пропавших без вести. Сколько ещё тайн, секретов и деталей, которых мы не знаем до сих пор о той поре. Но всё тайное когда-то становится явным. Вот и эта автобиография кусочком мозаики ляжет в общую картину истории. Я призываю всех, кто может ещё что-то рассказать – расскажите. Я призываю всех, кто может напи-

сать, напишите. Если у вас остались письма, газеты, воспоминания, публикуйте их. В наше время Интернета каждый может внести свой вклад и помочь передать следующим поколениям нашу Историю.

P.S. В сети я обнаружил информацию, что 06.04.1985 г. наш герой был награждён Орденом отечественной войны II степени.

2. Я, Пирогов Василий Яковлевич

Я, Пирогов Василий Яковлевич. Отец мой Пирогов Яков Семёнович, мать моя Пирогова Марфа Никифоровна. Социальное положение – крестьяне, родители занимались хлебопашеством.

Родился я по новому стилю 6 марта в 1921 году. По старому административному делению того времени: деревня Тирикуль, Бродокалмакской волости, Шадринского уезда, Уральской губернии, в России.

По новому административному делению: деревня Тирикуль, Бродокалмацкий сельский совет, Красноармейский район, Челябинская область, РСФСР.

Пошёл учиться в первый класс в 1930 году, окончил Тирикульскую начальную школу в 1934 году.

Осенью в 1934 году поступил учиться в Бродокалмакскую школу крестьянской молодёжи ШКМ и окончил её в 1937 году.

Осенью 1937 года переведён в 8-ой класс в Бродокалмакскую среднюю школу. Весной в 1939 году окончил 9 классов. В эту весну мне угрожала первая смерть – кто-то охотничал с боевой винтовкой на диких козлов, лосей; стрелял, пуля, как раз, попала в окно, прошла через два стекла, а я в этот момент уронил ручку и только склонился её взять и стёкла стенькали (видимо, здесь имеется в виду «звякнули») и пу-

ля вошла в бревно на четверть, если я стоял лень в голову попала в косицу (если бы я поленился и остался стоять, то пуля бы попала в голову). Первая моя опасность миновала. Заявили в милицию, они сами были виновны, так и закончилось. Посмотрел, ушёл (видимо, имеется в виду, что милиционер посмотрел, ушёл и на этом всё закончилось).



Летом в 1939 году поступил работать на почту в качестве «радиограмщика». Проработав до Октябрьской (видимо, дата празднования очередной годовщины Октябрьской революции), меня премировали 200 рублей. После Октябрьской Райисполком и бывшая моя учительница, у которой я кончал 4-ый класс Дарья Николаевна не стали давать покоя ни начальнику почты, ни мне и почти в приказном порядке меня заставили учить в Тирикуле, так как не хватало учителей – вдвоём со своей учительницей.

3. Армия

С учительской работы и взяли меня в Армию с 9 января 1941 года. Кадровую службу я служил в Молдавии в городе Кишинёве – был зачислен в полковую школу курсантом в миномётном взводе. В центре города Кишинёва.

Весной 1941 года летний наш лагерь находился в полутора километрах от города Кишинёва. До войны у нас были частые походы с броском, то есть последние пять километров бежать бегом. Перед войной был поход шестьдесят километров, тридцать километров в один конец и обратно, и бросок 5 км. Я с километр не добежал до конца и не помню, как оказался во дворе школы на столе и около меня стояла врач в белом халате. Это вторая смертельная опасность миновала.

День 18 июня 1941 года мы пришли с занятий, пообедали и стали исполнять «мёртвый час», то есть «сон час». Время примерно было 16 часов дня, нас подняли по тревоге и в поход к Румынской границе к речке Прут, не доходя км 8. Дали команду занять оборону, выкопать окопы во весь рост с ходами сообщений. Всё было исполнено к утру 20 июня 1941 года. Утром 20 июня 1941 года другие полки нашей дивизии, вернее 165 и 241-ый вели наступление. Так закончили ученье.

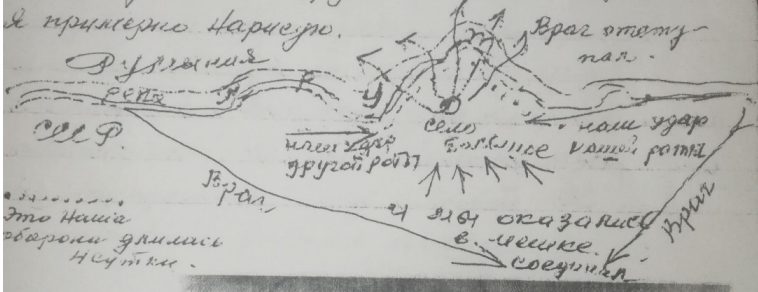
Они отправились по свои лагерям, они у них были тут близко. А нам надо идти сто с лишним километров. Нам да-

ли отдых субботу 21 июня 1941 года, а воскресенье утром двинулись в свой лагерь. Отошли км 20, привал в посадке акации? Досидели, что в 12-00 часов два румынских самолёта нас обстреляли. А вечером нам сказали, румыны нарушили границу и те полки нашей дивизии ведут бои. И у нас две роты повели в ночь. Утром в 3 часа 23 июня 1941 г. я первый раз вступил в бой, и они часть уехали обратно через р. Прут, а часть взяли в плен и заняли оборону по берегу реки Прут – река есть река, я примерно нарисую.

и те полки нашии девятии ведут бой.

И у Оунас две роты повели в бой.

Строки в 3 часа утра 23 июня 1941 г. и первый раз вступил в бой и они почти уехали обратно через р. Прут, а часть взяли в плен и заняли оборону по берегу реки Прут. - Река есть река и примерно нарисую.



И мы оказались в мешке. Выход был только на прорыв линии фронта – так и был второй мой бой. Вышли из окружения и заняли оборону, а через три дня начали наступление на железнодорожную станцию ночью. Враг не ожидал и удирал без штанов. Тогда мы взяли много трофеев: 97 орудий, 100 автомашин, две сотни лошадей, много снарядов и другой техники. Выгнали за границу.

4. В пригороде Кишинёва

Получаем приказ: враг нас окружил и ведёт бой в пригороде Кишинёва – отступаем без боя. Правда, он шёл следом, и нас задерживал, завязывал хоть небольшие, но бои.

Когда вступили в город Кишинёв, он весь горел и на окраинах были немцы. Наша была только одна единственная дорога, по которой он бил беспощадно, но мы огрызались, но плоховато – сэкономили, потому что снарядов было мало и давали их по норме три-пять на сутки. А он крошил без нормы, тысячи в один бой. Вот тут уже смертельных опасностей считать было некогда, каждую секунду висела нал головой. И наши трофеи забрал снова.

Отступали мы по направлению к реке Днестр к городкам Бендеры и Тирасполь, по обе стороны реки расположенные. Тирасполь – это Советская Молдавия, Бендеры – Тачил Бессарабия? до 1940 года была Румынская территория, когда-то оторванная от России.

За эти два города шли или, вернее, были ожесточённые бои. Несколько суток занимали оборону на берегу Днестра вместе с Георгием Фёдоровичем Балдиным – однополчанин с одного района Бродокалмакского. В больших боях участвовали за железнодорожную станцию "Раздельная", которая несколько раз переходила из рук в руки. Очень страшные бои были за сёла: Шипка, Глинное, Михайловка, Секретар-

ша, Сухие Лиманы и другие, все не запомнишь.

Отступали на город Одессу, но в это время вся Одесская область и части других областей были отрезаны и окружены, и мы с первых дней войны оказались окружены и выход был только из Одессы Чёрным морем. Письма я писал, но, похоже, было не до писем и так все говорили. Отступили мы до Одессы. Прошли по Одессе. Нашу часть хотели пополнить, но не пришлось – 25ю Чапаевскую дивизию разбили в прах и нас туда сунули в бой.

Уже нас курсантов, учившихся всего 4 месяца, стали ставить командирами рот. Куда подевались лейтенанты, сержанты? Как в воздухе исчезли. К руководству представили курсантов и солдат-кадровиков. Мой Георгий Фёдорович стал командиром роты. А я всё же сумел убедить полковника и стал его помроты, чтоб быть вместе. Да, в городе мы ещё встретили земляка Кадкульского – Никитина Ивана Яковлевича. Он был коневодом у начальника штаба, с час времени шёл с нами по городу Одессе. Это последний раз была с ним встреча. Он вместе с нами приехал служить в Кишинёв, но не попал в школу, попал в батальоны. Но не так долго мне пришлось быть помощником командира роты.

5. В разведке

В связи с войной быстро было присвоено звание лейтенанта курсанту Одесского военно-разведывательного училища тов. Филиппову, который приехал из города Одессы к нам в штаб. Он собрал помощников рот и образовал развед. отделение. Командир – лейтенант Филиппов 1922 г. рождения, сын офицера. С этим лейтенантом мы ходили в разведку шесть раз удачно, а на седьмой раз он попал первый и нас всех выдал.

В разведку ходили в тыл врага из шести раз – два раза приводили языка, за что были представлены к награждению. Так ничего не получили, а возможно только нам так говорил. Да и это было всё в окружении под Одессой 1941 год. В разведке днями нас укрывали достойные люди, а ночами ходили по назначенным объектам.

Ночью 29 ноября 1941 года было очень темно. Мне надо было пробраться к командиру по огороду, а огород был огорожен чашей плетнём. Я подошёл к плетню, послушал – было тихо. Я свой автомат ППШ забросил на плечо, залез и только тихонько спрыгнул. Сзади солдат ухватил за автомат, впереди солдат ухватил за руки и ремнём мне их связали, а сами собой говорили только три русских слова: «Сталин, большевик, партизан».

Не так далеко был противотанковый ров, а в нём было

много солдат румын. Это была вторая линия обороны, где меня раза три кокнули по голове и один пнул под жёно, и опять те же слова: «Сталин, большевик, партизан». Потом вывели на чистое поле, где стоял всего один шалаш и посадили около него, а его охранял солдат и всё была ночь. Мне казалось, что ей конца не будет.

6. Плен

Конец ноября. Ночи почти зимние, длинные. Но юг – снег выпадал и таял. А ночью изредка стреляли наши дальнобойные орудия, и четверо солдат принесли в палатке раненого ихнего офицера. Занесли в шалаш, а вскоре пришла скорая помощь и увезла его. А свету всё не было. Наконец дождался. Дали мне кусок мамалыги, которую я взял в руки в первый раз и первый раз понюхал и ничуть не задел – почти трое суток и есть не хотелось. А у меня забрали с килограмм колбасы, две банки консервов тушёнки, с полкило сыру, булку хлеба, папирос пять пачек «Беломорканал», а мне дали сигарет одну пачку «Плугар». Сигареты были хорошие, хотя Румынские, желтоватого цвета.

Итак, через трое суток начал есть эту траву (мамалыгу). И то досыта не давали. В общем, с горячего фронта попал на фронт голодающих, вошезаедаемых, дизентерией страдающих, умирающих, болеющих, плетью битых, и всяких-всяких услуг.

И от шалаша меня повели двое до большого села. Там нас согнали уже пятерых, а двоих и командира не было. Командира мы видели только в городе Тирасполе издалека, близко подойти не дали. И нас поместили в лагере в городе Бендеры в бывшей турецкой крепости. Из себя что представляет эта крепость: как силосная яма закрыта сверху слоем почвы

и сделаны узкие щели для пулемётов – это и было за место окон. Там была сырость, грязь, возили в неё чашу, падаль от кукурузы и солому. На этом спали, так и жили. Кругом загородили колючей проволокой, был пущен ток. Всё утопало в грязи – утром встаёшь и мокрый. Жандарм приходит, с плёткой сгоняет всех в одну сторону и начинает считать по заднице плёткой – рука устанет. Второй приходит – только плётка свистит, бежишь так чтоб не успел урезать.

Конечно, не все были такие дураки, но были и подходящие. Вот в этом лагере я и заболел. С гусиное яйцо образовалась шишка в паху и я ходить занемог.

Жандармов сменили, пришёл новый, чёрный, выше среднего роста, страшно суровый на вид. С плетью подходит ко мне, я лежу – ребята натаскали мне кучу соломы. Заставил меня показать ему шишку, я показал, и он ушёл. Это было утром. Смотрю в обед несёт мне супу и чаю, кусочек хлеба и полотенце-тряпку. Маячит дескать облить тряпку чаем и прикладывать к шишке. И я стал так делать. Он, большое ему спасибо, три раза в день мне приносил. Тогда я почти из мёртвых воскрес. Правду люди говорят: «белый свет не без добрых людей». Так оно и есть. Все ребята говорили, что я похож был на кого-то из его родных – счастливым меня называли. Потом его проводили на фронт, я ему пожелал много хорошего. Чтоб хоть в живых остался этот суровый, но добрый человек. Много говорили, кто-что: одни – он, наверное, коммунист, другие – русский, но боялся говорить и так да-

лее, тому подобное.

В этом лагере строили казарму для военнопленных или для жандармов. Подымали землю на дом, подымали тачками, ходили по лесам. Жили впроголодь. Работать такую тяжёлую работу не очень тянуло. Вот некоторые хитрили – ходили в туалет и подолгу. Таких встречали жандармы плетями и говорили через переводчика: «на такой туалет – час, два нельзя тратить». И били плетью кого заметят, а их много наблюдателей, чуть меньше, чем нас рабочих.

Потом погнали нас в город Кишинёв, где с полмесяца находились в тюрьме за железными воротами. Три раза приносила передачу моя знакомая девушка, хотя передавать строго запрещали. А когда шли по дороге, да некоторые старались передать, за что получали прикладом в спину или по голове, а одна даже упала, но всё равно успела – передала. Но её передачу жандармы отобрали и сами сожрали. Через полмесяца нас погнали в Румынию в концлагерь в городе Яссы. Потом лагерь в городе Васлуй. Здесь нас морили, вши, как бомбы, бегали по койкам и по всему, свирепствовала дизентерия. Каждый день, утром и вечером в арбе (колёсная повозка) увозили мёртвых военнопленных на паре быков. Быки здоровые были, каждый рог – метровый, я таких больше нигде не видал. Правда, в Бессарабии видел, но у тех рога меньше, сантиметров по 50-60 были, синего цвету.

В этом лагере мне по спине ударили черпаком за котелок чаю, но ребята меня скрыли, иначе мне дали б раз десятков

по хребту. Я чаю хотел, а мне три дня не доставалось. На четвёртый день стояло впереди меня человек девять или десять, а чаю уже опять мало – я и решил посамовольничать. И получил за это по позвоночнику. Удар был крепким, но черпак не согнулся.

Наше правительство узнали, что нас вши заедают и обратились к их правительству с протестом, что такое свинство творится в лагерях. И они стали в печках жарить бельё со вшами. Бельё всё так пережарили, что оно распалось (от жара), а вши по койкам ползают. Они давай и одежду жарить, и она распалась, а вши всё господствуют по всему лагерю. У пленных вся одежда изнасилась, а вши всё живут. Что делать? Стали одевать они нас в свои костюмы для военнопленных – во всю спину круг (чтобы попадать при стрельбе удобнее было) и перевели в новый и последний для нас лагерь на станции Слободзея, и за полтора года первый раз вымыли в бане. И одели всё вышеуказанное и только тогда избавились от вшей.

7. Работа в плену

Из этого лагеря стали нас гонять на работу, а работа была такая – сеяли рис. Утром ещё лёд сантиметра два, а нас раздевали и загоняли мутить воду, а сразу за нами шли сеяли рис. Работа для недоедавших людей чуть не смертельная, а у многих и жизнь унесла. Тысячи наших военнопленных покоятся на румынской земле. У одного фермера-богача весной 1943 года стало заливать ферму молодняка. Разбушевалась река Дунай и вышла из берегов. Он пришёл в лагерь, набрал пленных спасать телят. Вначале строили дамбы – всё прорывало. Потом телят стали отправлять в безопасное место, а нас всё там оставлял. Вода с каждым днём всё прибывает. Утром стала уже вода заливаться к нам в барак. На второе утро уже чуть не на нары заливается, мы – на чердак. Она к чердаку подвигается. А метрах в ста от этого высокая горка и на ней метра четыре скирда навоза. Мы перебрались на эту горку и наблюдали, как затопляло фермы и дом – всё затопило. Осталась только чуть горка, да мы на навозе. Штук десять прибежало к нам зайцев. Всех переловили и съели. Две ночи ночевали на навозе. Вода затопила всю горку и поднялась метра два на навозе, а что думали обитатели, догадайтесь сами. Никак уже не опишешь – смерть в живом виде по волнам.

Вода до верха не дошла тридцать сантиметров, как услы-

шали гул моторной лодки. Как будто опасность миновала, да нет ещё, она осталась. Погрузились, выехали. И что только ни несла эта вода: лёд, крыши, брёвна. Волны заливают лодку; вычерпывать всё чуть успевали. Приехали на берег до ниточки мокрые, а ночевать закрыли в конюшню. Пришлось ночь дрогнуть. Описать легко, а плыли оттуда с двух часов дня до десяти часов вечера. Опять-таки смерть меня миновала.



Из этого лагеря у нас трое убежали. Но до этого было объявлено: «Кто поймает или увидит и докажет про убежавших пленных, тот получит большую сумму денег (лей)». Но всё-таки их поймали. Суд был прямо в лагере. Всем троим по 25 плетей по голой заднице. Главаря ударял офицер, на утро тот скончался. Других двоих били легко, и они остались живы, но с полмесяца болели.

Нас били всяко, что попадёт под руку. Но ещё и несладко показали образ жизни с одной семьёй евреев. Их было четверо: отец, мать (обоим годов под сорок), дочь, ей около двадцати, сын около шестнадцати лет. Они их всех раздели догола и поставили рядом в линейку, а нас тысячу или больше поставили вокруг их колоннами. Переводчик говорит: «Граждане военнопленные, вот перед вами стоят евреи. Их нация десятки лет над вами издевалась и командовала вами, а теперь пришла возможность вам отплатить за всё». Военнопленные все повесили головы, молчат. Он по команде офицера дальше говорит: «Выходите и издевайтесь кто как может. Я плеть вам дам. Кто насиловать хочет – пожалуйста, любую. Хоть мать, хоть дочь» (ведите в сарайку). Все до одного военнопленные отвернулись. Тогда офицер осви-репел. Дал плеть еврею и заставил плетью хлыстать нас. И он бил. Это потому, что он голый. Да ему итак попало немало. И командовал нами (офицер), заставлял налево, направо, кругом и шагом марш. Описать трудно что он заставлял де-

лать тысячекратно. Сестру с братом заставлял голых танцевать, прыгать, работать, грузить ящики из одной машины на вторую, а отца с матерью наблюдать заставил под нажимом плетей. Неужели издеватели сейчас живые? А может наши их ухлопали на фронте. Чтоб так.

Мы в лагере, зима 1943-1944 года. В лагерь поступают сведения, что наши гонят врага назад на Запад. Тайный шёпот идёт готовиться к побегу. Крадут, в лагерь поступает оружие, но мало. Есть командир, но звание знать не обязательно, готовится всё без возни и шумихи. Охрана круглосуточная с каждым днём – кто говорит «растёт», а кто говорит «уже паникирует». Некоторые говорили, что немец хочет на лагерь сбросить несколько бомб. Чтобы убить всех нас.

8. Освобождение

Вроде бы всё тихо, но лагерь начал бурлить, копали выходы и их маскировали, а за лагерем был большой ручей или брусунка, но она сухая. Мы копали под проволоку, чтоб низкими местами можно было скрыться от пуль в этой брусунке. Так оно и было. А у которых было оружие, огонь открыли прямо на ворота, и так вышли с боем. Кто куда по своим направлениям старались бежать, как можно маленькими группами, чтоб меньше было заметно, да и им уже было не до нас – ближе к фронту которые находились. Они уже чувствовали крах «Романия маре», что по-русски «Большая Румыния».

Это произошло 3 марта 1944 года, а в апреле соединились с частями Красной Армии. И пошла жизнь. Нас зачислили в запасной полк для допросов и проверки, и тут же готовили к боям. Но самое главное – стали есть хлеб и досыта и суп не из кваса. Но, похоже, под вид военнопленных приспособлялись власовцы. Но особый отдел их разоблачал. При допросах нас спрашивали: «расскажи, как попал, и свои по порядку концлагеря, и в каком лагере были какие товарищи». А власовцы и лагерята (пособники фашистов в концлагерях, стукачи, предатели) всё-то не знают, а тем более товарищей – вот и попадались. Их сразу увозили от нас. Куда? Неизвестно. И всё ночами.

9. На передовую

После тщательной проверки дали нам оружие и на передовую. Снова началась фронтовая боевая жизнь. Засвистели пули, снаряды, осколки, загрохали бомбы и каждая секунда пахла смертью.



Но против 1941 года было совершенно дело другое: все командиры на своих местах, артподготовка была настоящая по 3-5 часов, ни пуль, ни снарядов нормой не давали, как в 1941 году по 3 мины на сутки, а винтовку и патроны брали у убитых. Вот с этого и начиналась война, а враг сыпал без нормы, как и наши стали сыпать с 1943 года и взяли верх над врагом и попёрли его в своё логово. Если б была бы такая техника в 1941 году и вооружены мы, как в 1944 году, для немца бы быстро кончилась война и таких потерь бы не было. Правда, техника была по тому времени, но оказалось ее мало и качество неважное было. Дисциплину командиры соблюдали – без разрешения в туалет «по лёгкому» не сходишь, а как ковырнули нас, то куда только исчезли командиры? И всё свалили на плечи солдат. А в 1944 году на нашем фронте солдаты были почти все пленные, всё повидали, почухали, сражались дерзко. Освобождали Румынию, часть Югославии, всю Венгрию и Австрию. В Румынии было два больших боя за город Тимишоара, а второй забыл, вроде, Краёва. Первый город расположен на берегу Дуная – красивый город, тут же горы. А второй город весь в горах, улицы узкие, извилистые.

Сильный бой был на границе Румынии с Венгрией около железнодорожной станции. Станция большая, все шпалы и рельсы поставили в дыбы. После чего осенью и зимой 1944 года началось освобождение городов Венгрии: первый – Сегед, второй – Цеглед. Юго-западнее Будапешта взяли второй

по величине большой город Секешфехервар. В этом городе в нас стреляли почти из каждого дома, чердаков и подвалов – проходу не было. Наше командование дали приказ отступить на прежние позиции. Через несколько дней сделали артподготовку пятичасовую. Вошли в город. Исчезли все стрелки, город на город не стал похож. Выглядел так уныло, ремковато, ямковато, дым да гарь. И уже сопротивление исчезло. Но не подумайте, что так сладко стало. Немец огрызался и бил. Из окон и чердаков тоже было, но не так как в первое взятие города.

Затем стали наступать на город Бичке ближе к Будапешту, сделали рывок и оказались в окружении. После боевых действий продуктов оказалось мало, а соли совсем не оказалось. Добывали муку, пекли хлеб без соли – расплывушки, суп и всё – трынть-трава (пресное, невкусное). Ходили по деревням, по конюшням – искали кормовую соль, всё попусту. Но я чудом нашёл комышек, дак крадучи лизал. Так мы держались около месяца. Нам наши кидали с самолёта (припасы), но много попадало в руки немцев. Последние несколько дней по одному разу в сутки кушали – экономили. Старшины всю дорогу были на промыслах пищи. А территорию немец так усыпал осколками, что по ним и ходили. Потом наши говорили, что бросили 700 танков и прорвали кольцо (окружения) и сразу всё поступило – и боеприпасы и питание.

И двинулись для захвата столицы Будапешт. Наша часть находилась на стыке двух фронтов – 2-го Украинского и 3-

го Украинского. Брли город войска 2-го Украинского фронта под командованием маршала Малиновского Р.Я. За это награждён (Пирогов В.Я.) медалью «За взятие Будапешта». Взяли столицу Венгрии 13 февраля 1945 года и двинулись дальше на Запад к озеру Балатон. Помню, на пути встретилась нам речка. Немец за ней занял крепкую оборону, а мост не взорвал, оставил для встречи нас. Хотя и юг, а в начале марта вода только освободилась от льда. Приказ И. Сталина: «Идти прямо через мост и бить в лоб, не давать времени для укрепления обороны врагу». А мост у него был пристрелян. Делать нечего, раз приказ, то ринулись прямо через мост и речку бродом. С жестоким боем овладели берегом – немец не ожидал, что пойдём прямо вброд. Пошли дальше на озеро Балатон. На его берегу заняли оборону, выкопали окопы, только лёжа, и вода подступила, лежали в грязи. Но это было только начало озера, а справа от него было большое село. Выгнали врага из этого села и двинулись дальше, а в это время уже в село заехали наши тыловые части, медсанбат и другие. Прошли от села километров за двадцать, ночь. Навстречу нам идут наши танки и кричать по-русски. Стали давить нас и наших солдат. Оказалось – немцы. Тогда нам был дан приказ занять оборону у озера Балатон, и мы заняли прежние окопы. Танков у немца было много, и они их поставили в том селе в парке. Булыжили (стреляли, поливали огнём) целый день в нём, а нам отвечать нельзя – там и наши части.

Вот один эпизод из этого случая. Они как-то изловили врача-женщину молодых лет и издевались над ней. Между грудями на теле вырезали звезду и бросили в парке, а у девки-сестры (медсестры) вырезали крест на талии сзади, и ещё ряд издевательств делали и с другими. А у одного солдата обрезали уши и положили ему их в карман, но он был убит.

В бою за это село было подбито два наших танка, они стояли на дороге. Когда немцы вечером поехали восвояси к себе попутно и прицепили себе эти два наших танка. Утащили их. Когда они выехали за село, тогда и давай наша артиллерия сыпать по ним. В той стороне было всё темно – пыль, дым и ничего не видно. Сколько их было подбито неизвестно, но, похоже, ни одного. Так мы и наступали на Запад на последний венгерский город Шопрон на границе с Австрией.

На этом пути мы делали дымовые завесы, то есть ходили копать окопы во весь рост за нашу передовую линию фронта, не доходя примерно такое же расстояние до их передовой или передней части их фронта. Ночами копали и маскировали. Когда всё было готово, ждали ветра в их сторону. Как ветер подул, мы пускали дым завесу – по этому дыму двигалась наша пехота и танки. Так было много раз. Их первые снаряды и бомбы были по химвзводу, то есть по нам. Но окопы делали во весь рост, а у меня он подходящий, и копать мне было чего – два метра. Убить могло только прямым попаданием и тут же похоронило бы. Такая у меня была часть – химвзвод. Дыму нахватался столько, что и сейчас боюсь

любого постороннего запаха. А если хотите попробовать такого дыма, возьмите три-четыре спички, чиркните и сразу нюхайте. Бывало много раз за сутки харкаешь от него, а во рту потом дня два-три плохо.

Эпизод второй. После выполнения боевого задания дымовой завесы нам дают отдых. Мы отдыхали в одном подвале. Пришёл лейтенант, командир взвода. Поднял нас по тревоге, говорит: «к нам проникли немецкие танки». Он обеспечил нас бутылками с горючей смесью, гранатами. Развернули нас в боевое положение, а мне позволили укрыться у дороги у небольшого мостика, под которым водостекающая труба. Сзади меня был помощник командира взвода старший сержант Кувшинов Ник. Мих. И как раз он укрылся в большой воронке от бомбы. А танки шли боевым порядком. Их было пять. Один танк шёл прямо через мостик на меня. Когда стал проходить мостик, я выскочил и кинул в него связку бутылок с горючей смесью, и танк загорелся, но продолжал двигаться. А нам команда была дана другая, то есть встречать их в другом месте, но мы их больше не видели. Нам сказал лейтенант, что из пяти два танка ушли обратно, а три сожги, подорвав их все вместе.

За этот танк меня наградили медалью «За отвагу», которую потерял первый милый сынок Коля. А документ к ней утерялся потому, что по нему пришлось получать деньги за медаль раза два или три, и он был положен отдельно от других (документов). И так же потерялась большая позолочен-

ная благодарность с фронта, подписанная маршалом Коневым Ив. Ст. Но благодарность нашлась у одного ученика. Ею была обёрнута книга, на тот момент уже протёртая. А потом совсем утерялась, но уже в Тирикуле. Утеряли милые детки. Раздали все мои художественные книги, а она, похоже, была в них.

Продвигаясь на запад к Венгеро-Австрийской границе к последнему опорному пункту, за город Шопрон ожесточённый был бой. Смешались наши полки и среди нас оказался молодой паренёк. Я спрашивал его первым фронтовым вопросом – «Откуда родом?» – «Из Сибири, города Новосибирска» – Бойко ответил парень-смельчак. И как раз показались на горизонте три вражеских танка. Он выпросил у нас несколько гранат и только сказал: «Я пойду искать свою часть, попутно брошу их под танк». Вначале мы не поверили. После видели, как получился взрыв и танк стал. Остался этот смельчак живым или нет, но мы сами собой рассудили: мы ни фамилии, ни имя его не знаем, а придёт в свою часть, расскажет, что взорвал танк – никто не поверит. А мало того, может ещё брань получить от командира, что где-то блукал (блуждал, шатался непонятно где). Ведь он не обязательно герой, но хорошо сражавшихся солдат было много, с ними были товарищи, командиры. Солдат чем-то отличился, а товарищи и командиры, видевшие его, были убиты или ранены, и при таких случаях (героических) тоже остаётся человек незамеченный (не получает знак отличия). Самохваль-

ством же не каждый решится сказать, да и не поверят. А те товарищи, которые выйдут из госпиталя вряд ли попадут в свою часть. Да ещё не каждый запомнит и знает его фамилию и имя. Большое спасибо Родине, партии и правительству за их столь большое внимание к участникам войны, наградив их орденами, медалями.

А сейчас я вспомнил эпизод. Ещё в 1941 году было, когда мы отступали. Шли двое суток не спавши. Прошли по селу «Глинное». В нём живут немцы и русские. На краю села свинарник, справа от свинарника тянется большой массив кукурузы. Враз по нам застрочил пулемёт, и мы в кукурузу залегли. Прошли её, а за ней полоска пшеницы шириной метров 200-250, пшеница созревшая, белая. За ней большая полоса подсолнуха, а в подсолнухах передовая немцев. Мы лёжа окопались на опушке кукурузы и между нами оказалась эта полоса пшеницы. Всё затихло, прошёл небольшой дождь, выглянуло солнце. После двух суток не спавши, все дремнули, в том числе и я. Когда я очнулся рядом никого не было. Только один казах со станковым пулеметом лежит не так далеко от меня. Посмотрел назад, а там всё смешано, ничего не видно, и над головой ж-ж-ж-ж. А немцы только подыматься будут – казах даст, и они залягут. По пшенице всё видно. Он мне говорит: «Стреляй, бросай гранаты и беги пока я стрелять буду». Я так и сделал, и побежал по кукурузе. А пули визжат да хлопают, а снаряды всё рвутся впереди меня да сзади изредка. Их кукурузы выбежал в степь, а наши солда-

ты уже далеко драпают. По степи протекал когда-то ручей, теперь он сухой. Я в него и по нему. Меня заметил немецкий самолёт и начал преследовать, стреляя по мне. Я пробежал степь, а дальше полоса, на которой растут тыквы. Как маленькие бочата торчат да много, а листья большие. Я под них забрался. Самолёт по ним раза три прострелял и улетел. Тогда я вылез и побежал дальше. У опушки леса наши занимали оборону. Ребята увидели, что у меня оба кармана (карманы-бутылки особой формы) простреляны по много раз, а тело не задето моё. Вещмешок, вернее сумку из-под противогаза, и гимнастёрки край ниже пояса тоже задело. Значит от пуль ушёл и от самолёта скрылся – он потерял меня в этих громадных тыквах.

Продолжаю движение на Запад с боями. Как взяли город Шопрон, в апреле 1945 года перешли австрийскую границу и двинулись с боями освобождать австрийские города Винер-Нойштадт, Айзенштадт, Нойнкирхен – важнейшие опорные пункты немцев на подступах к столице Австрии городу Вена. За каждый город имею благодарность от генералиссимуса И. В. Сталина.

На подступах к Вене происходили ожесточённые бои. Особенно запомнился танковый бой. Бой был действительно танковый, потому что на поле боя было подбито наших танков около сотни, в самом селе было много подбитых немецких танков, а за селом ещё больше, чем наших подбитых – вот это бой был. Много валялось разорванных по частям тан-

кистов, а больше всего – сгоревших полностью около танков. Много попадалось: руки, ноги, куски мяса и тому подобное. Такое обычно бывает на передовой в боях, многие стали калеками.

Апрель месяц 1945 года. Всё покрылось зеленью: земля и деревья, большой сад. Местность косогористая, очень красивая. Но когда смотришь туда-сюда, везде лежат убитые солдаты, офицеры и сад изрыт снарядами нашими «Катюшами», гвардейскими миномётами. Когда это видишь, невольно вспоминается уже далёкий 1941 год. Год, когда он (немец) гад рыл нашу землю и убивал наших солдат и командиров и даже гражданское население. Теперь начатый им огонь пришёл в Австрию, соседнее с ним государство, и движется ближе к самой Германии.

10. Свои бьют своих

На подступах к г. Вене произошёл такой случай. Наши части где-то с фланга прорвали оборону немцев и заняли железнодорожную большую станцию. Наша дивизия тоже шла на этот железнодорожный узел и дала артподготовку примерно на два с половиной часа. А немцы открыли по нам тоже страшный огонь и пустили танки, и тогда наши танки с ними встретились (в бою). Оказалось, что это свои бьют по своим и тогда прекратили огонь. Вот что бывает в боях – свои бьют своих. Из-за плохих связистов и руководства произошла громадная ошибка, а сколько погибло наших солдат «неизвестно». Били же друг друга так, как приказывали – ни шагу назад, а только вперёд. И всем в этом бою было удивительно, что так крепко ведёт бой немец, а оказалось наши вели бой, не уступая нам – били крепко накрепко. Но, конечно, кто-то за это получил, кто мог допустить такого чересчур серьёзного греха.

13 апреля 1945 года мы штурмом овладели столицей Австрии городом Вена. В боях в самом городе меня легко ранило в лицо двумя маленькими осколками от фугасной гранаты. Они очень тонкие и маленькие, их у меня тут же вытащили и забинтовали. На четвёртые или пятые сутки я снова в бой пошёл, хотя не совсем ещё оно зажило. А дней через десять скинул повязки (жрать долго было больно, всё с бо-

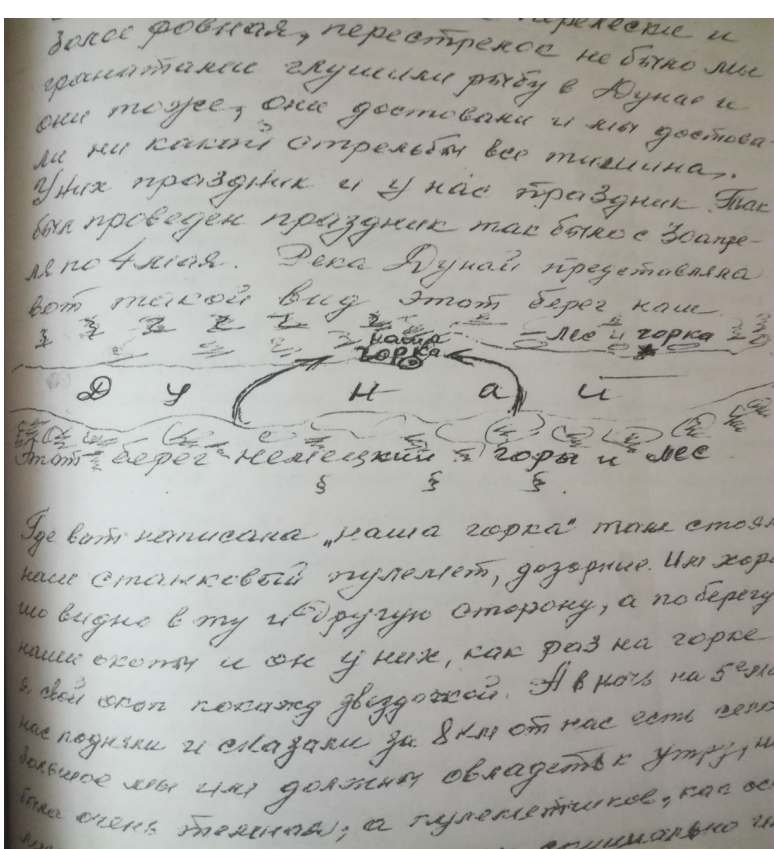
лью ел).

11. Взятие Вены

Вену мы брали при 3-ем Украинском фронте под командованием маршала Толбухина. За что и меня наградили медалью «За взятие Вены». Город большой, красивый, но и досталось ему немало.

На некоторых узких улицах дома с обеих сторон повалились и образовали туннель. Идти страшно, а мы еще и ездили. Повалились дома от бомб большой мощности. Овладев городом Вена, двинулись к южной границе самой Германии через Дунай и горы Альпы.

С небольшими боями освобождали австрийские города и населённые пункты. В конце апреля добрались до реки Дунай. Нужно было готовиться к Первомайским праздникам. В этот 1945 год наш праздник совпал с немецким праздником Пасха. Мы его встречали на восточном берегу Дуная, а они на западном берегу. Их местность гористая – горы Альпы, и лес. А наша местность более ровная с перелесками. Перестрелок не было. Мы гранатами глушили рыбу в Дунае, и они тоже; они доставали, и мы доставали. Никакой стрельбы – всё тишина. У них праздник и у нас праздник. Так было с 30 апреля по 4 мая. Река Дунай представляла вот такой вид.



Где вот написано «наша горка», там стоял наш станковый пулемёт, дозорные. Им хорошо видно в ту и другую сторону, а по берегу наши окопы. Как раз на горке я свой окоп показал звёздочкой. А в ночь на 5-е мая нас подняли и сказали, что за

8 км от нас есть село большое, которым мы должны овладеть к утру. Ночь была очень тёмная и получился такой эпизод. Пулемётчики наши, похоже, дремнули, и немцы подошли к ним с обеих сторон и окружили. У наших был пулемёт, автомат и винтовка. Когда они услышали, что окружены, то пулемёт и патроны спустили в Дунай, а сами бежать. В темноте налетели на немцев. Завязался бой. Одного нашего и одного их ранило. Одного немца взяли в плен с собой, а третий наш был здоров и привели пленного немца в часть уже утром 5 мая 1945 года. Раненые наш, и немец попали в санчасть, а здоровому нашему попало за всё. Дали ему двух человек и заставили или приказали достать из Дуная пулемёт, что он и сделал. Получили за это награды, но дешёвые, чем им было положено из-за того, что сначала бросили пулемёт.

Немцы пришли в, занятое нами, село ночью и заняли оборону на его опушке, тоже на берегу Дуная. И охраняли мост через Дунай, который успели взорвать. Нас приторопили в бой за это село. В этом селе мы и приняли самый страшный бой. Немец стрелял, не переставая, с 6 мая, 7 мая до 3-х часов утра 8 мая. В общем, успевал, выкидывал всё, что у него было. А с 4-х часов утра замолчал и через Альпы перешёл и опять спустился к Дунаю. Мы же по мосту перешли Дунай и стали подыматься на горы Альпы, а дорогу он заминировал и завалил деревьями на длину в пять километров. Деревья валил с той и с другой стороны, деревья громоздкие.

Мы двинулись в 4 часа утра 8-го мая и поднялись только

к 12 часам дня. Потом шли весь день и всю ночь без отдыха и в 9 часов утра вышли к берегу Дуная. Тут же окопались и заняли оборону. Это уже было утро 9 мая 1945 года.

С Альп спустились к хутору всего в три домика. По этой же шоссейной дороге шли еще с километр. Потом появился второй хутор в пять домиков. За ним и окопались, или заняли оборону. Справа Дунай величаво нёс свою воду, а слева были Альпы, вершины не видно. Берег был шириной метров 700-800, не больше. Подле горы продолжала свой путь шоссейная дорога. Впереди нас был маленький Австрийский городок Мельк, похоже, речной порт. От нашей обороны отстоял всего на 4-5 километров. Мы весть о Мире услышали в 11 часов дня у этого хутора, и в нём праздновали день Победы. Всем не верилось, но было так. Однако, жизнь боевая и фронтовая ещё продолжалась до конца месяца мая.

12. Зачистки

Ходили по этим Альпам и очищали их от «банд» по-нашему, хотя они себя называли «партизаны». Только в нашей части было много убито и ранено – вот такой был Мир для нас бойцов.

Когда их захватывали, попутно освобождали и, немцами забранных, гражданских лиц – мужчин, женщин, детей. Здесь были все нации, но больше русских, украинцев, белорусов, французов, бельгийцев, евреев, голландцев, англичан, американцев, шведов, финнов и много других национальностей. Насобирали их 995 человек. Дали мне 4 солдат, а меня старшим назначили, и поставили их вести километров 70. Мы верхами, а они пешком.

Муки мы с ними приняли очень много. Тут же было много военнопленных из банд, солдаты, которые ушли в банды, то есть в партизаны. Область южная, жара страшная стояла, пыль. Они сядут переобуться и не встают, молчат, мол, у вас закон – бить нельзя. Но с большими трудностями всё же добрались до места назначения. Стали сдавать по счёту, у нас трёх не хватает. Тогда один солдатик бойкий изловил тамошних жителей и в лагерь их. Они маячат, дескать, «мы – местные», а он – «ну и чёрт с вами, допросят и отпустят, ничего с вами не будет». Так мы и отчитались «без потерь».

Обратно вернулись в свою часть с документом, что всё в

порядке. За что получили благодарности. И нашу часть уже поставили на охрану дороги, по которой ездят американцы в столицу Австрии город Вену, потому что она временно была разделена на четыре части, а вокруг были наши войска и три дороги были под охраной.

Десятого июня был выходной. Наш командир роты лейтенант Кузнецов всех посадил за стол и заставил писать письма родным. Все написали, он их собрал и стал выбирать себе писаря в роту. Как раз доля выпала на меня, и он сказал: «Товарищ Пирогов, будешь писарем роты». С 11 июня началась моя писарская работа, а писаря, который был до меня, демобилизовали домой, так как он был 1900 года рождения.

13. Писарь

Вот с 11 июня 1945 года у меня появилась специальность «писарь». Вместо восемнадцати рублей и восемнадцати шиллингов мне стали платить двести рублей и двести шиллингов. И на вечерней проверке, если нет старшины, то докладывали писарю. Докладывали младшие лейтенанты, лейтенанты командиры взводов. Потом мой почерк заметил комбат и перевёл в батальон. Потом мой почерк заметили в полку, и я там очутился писарем ОВС, то есть писарем Отдела Вещевого Снабжения полка. После чего мой почерк заметил самый грозный человек, председатель военного трибунала, генерал-майор. Он отдал приказ командиру полка, чтоб писаря Пирогова В. Я. послали в штаб дивизии к председателю Ревтрибунала, и явиться в срок без опозданий.

Дали мне документ-пропуск, и я отправился на поезд. А поезд не ехал, а шёл «пешком». Останавливался и садил хоть одного человека, хоть двоих. Из-за этого вместо 9-00 я добрался в 14 часов. Да ещё и по городу походил поискал. Солдат спрошу – никто дорогу не знает, офицеры тоже. Потом попал полковник, он мне сказал точно. Подхожу к особняку. Охрана. Я спросил, он не знает. Охраняет и не знает кого. В особняке охранников 6 человек. Первые два не знают, только третий сказал, что здесь. А впереди их ещё трое. Конечно, я и пароль знал. Когда четвёртому сказал пароль, он про-

пустил до пятого, а пятый крикнул шестому, шестой сказал уже генералу. Товарищ генерал-майор разрешил мне зайти в приёмную, а он ещё спал в спальне. Время было 15 часов дня и около него бегала молодая австрийка годов 20, красивая. Он тоже был красив, но ему было годов сорок.

Провёл меня в рабочий кабинет и начал меня допрашивать со дня рождения до дня прихода к нему. Потом дал мне тетрадь и ручку и заставил меня писать под его диктовку. Потом устроил мне ночёвку, как земляку – он из Омска, а я Челябинский. Поил и кормил очень хорошо. Наутро пришёл старший лейтенант и повёл меня в санитарный полк, где мне начали выворачивать уши, да толкали зеркала. Дали заключение, что слух не годный быть писарем ревтрибунала. Тогда он пишет мне пропуск на десять дней с подписью пред. рев. Трибунала и с печатью. Поехал я обратно в свой полк 107 стрелковый Будапештовский Ордена Суворова Третьей степени, Венский, Гвардейский тридцать четвёртой стрелковой дивизии в отдел ОВС за стол.

Командовал мной интендант первого ранга капитан Прогнозов Лазарь Ильич, его помощник старшина Котенко Иван Семёнович. Всё имущество со складами были у меня на подотчёте. Списывать я имел право, если у меня в складе будут подошешники рубашек и гимнастёрок, и опушки штанов и брак с пуговицами. Без пуговиц не принимал по приказу, а за спиртное бывало всякое, но пуговики всё равно находишь и пришиваешь. А спиртного несли много (в качестве

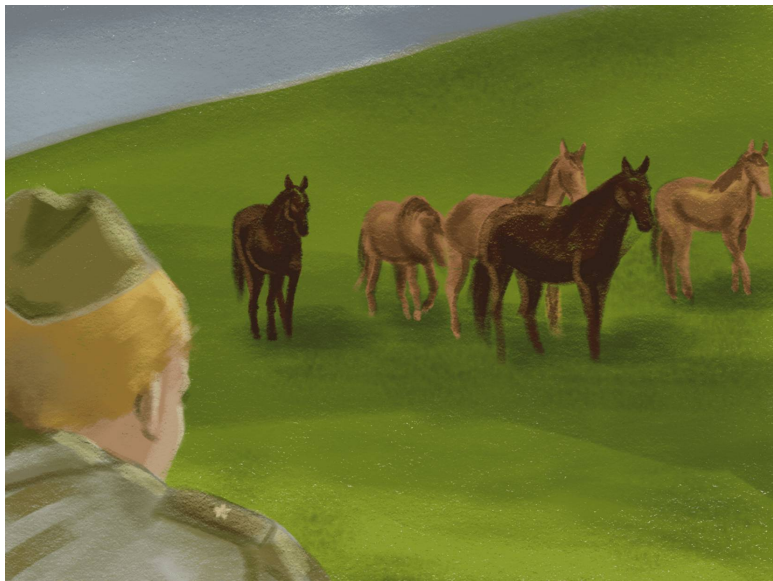
взятки мне), особенно офицеры. Они использовали отпуска и каждому хотелось выглядеть офицером-победителем в новом обмундировании. Для этого решали дела с мои капитаном при моём согласии, потому что ключи были у меня в брюках от каптёрки (склада).

Да, забыл. Я ещё пропустил часть своего пути, то есть километров пять обороны, где праздновали день Победы 9 мая 1945 года, а 10 мая утром наша часть ушла в этот город Мельк. Нас человек девять осталось в одном подвале, где добавляли градусное (пили алкоголь). Сейчас вроде бы война кончилась, когда одного человека пока не найдешь не уйдёшь, а тут, в мирное время, девятерых бойцов «забыли». Мы проснулись – нет никого. Подались вперёд, отошли с полтора километра и обнаружили в горе железные ворота. Стали открывать. Бились-бились и всё же открыли. Чиркнули спичку, включили электричество. А там сот семь лошадей упрято и дворец для житья, всё на кнопках. Нажал кнопку, там часы (открылся тайник) – мы все обеспечились (часами). Вторую кнопку нажали, там вина разных сортов – позаправили свои сумки. Всё добро осталось, и очень много, а мы отправились дальше. Прошли с километр, а нас уже ищут – навстречу идут старшина и сержант. Пришли в городок Мельк. Там немцев собралось целые колонны: фельдмаршалы, генералы, офицеры, сержанты, солдаты. А командуют ими уже наши сержанты, офицеры. Наша часть расположилась за городком Мельк, где немецких пушек стояло сотни штук и у

всех замки были выброшены. С этих мест началась прочистка гор Альп, о которой я уже писал.

14. Демобилизация, март 1946

1946 год март месяц, указ Верховного Совета СССР о демобилизации, в который и вошёл мой 1921 год. На нашу долю выпало сопровождать 618 кондепо (конное депо), ехать на лошадях из Венгрии в Советский Союз и сдать их колхозам и совхозам, и чтоб были совершенно здоровы и исправны, а ехать 30 км в сутки – больше не разрешали.



Все кондепо ездили одной дорогой через Карпатские горы, где были места для этого отведены, дальше через Венгрию, Чехословакию и до места назначения. А там приёмку вела государственная комиссия СССР и правительства Украины. Когда мы сдавали, был первый секретарь ЦК Украины в то время Никита Сергеевич Хрущёв. Порядок приёмки был такой: если заболела лошадь, то пока не вылечишь домой не отпустят. 1 августа 1946 года я сдал свою пятёрку лошадей с оценками – две хороших, три отличных.

В ночь на 2 августа 1946 года погрузились в товарные вагоны поезда до города Владивостока. 5 августа 1946 года утром был в родном Челябинске и доночёвывал в доме для солдат на вокзале. Потом поехал искать Пелагеи Александровны сестру Парасковью Александровну. А они уехали с этой квартиры в Митрофановский совхоз. И я двинулся ближе к дому. Вышел за город Челябинск на тракт, ведущий в Бродокалмак, а дороги не было в виду часто заливающих дождей и пришлось ночевать у электростолбов в поле. 6 августа 1946 года утром я был в Бродокалмаке, там скопилось человек 50. Мы туго стоя погрузились в американский «студебеккер» (грузовой автомобиль). Водитель содрал с каждого по 50 рублей, а с меня солдата – 25 рублей. Вечером того же дня я прибыл в родной Тирикуль в родной дом.

15. Мирная жизнь

Теперь дома сразу на отдых в поле с косой. Я, правда, в то время не косил, а силой ломал траву. Силы было много, потому что питался я больше солёным мясом сырым заграничной посолки, а сырое не варёное, много полезней. Днём косим, солнышко греет, а каждую ночь шёл дождь. Заготавливали с Таисией Яковлевной ей и нам.

В начале сентября попросили помочь колхозу «1 Мая» в уборке и месяц пришлось поработать. Что работал? Вручную косили овёс с Александром Герасимовичем. В ночь и днём молотили. Я с девками носилки таскал в скирды. Возил зерно в Челябинск, сдавали государству. И что за это получил? Центнер гнилой картошки. Я её и получать не стал. Даже спасибо мне за месяц моей работы некому было сказать. Вот какие были начальники.

В армию я ушёл с учительской работы, и моя трудовая книжка хранилась в районо (районный отдел народного образования). Я пришёл её взять. Зав. районо Ал-ндра Мих. Филиппова уговорила меня работать и написала приказ в Теренкульскую неполносреднюю школу или, вернее, в семилетнюю школу. Учительница не справлялась с 1 классом и мне его дали. Я с ним проработал октябрь, ноябрь, декабрь. Потом начались зимние каникулы. Ещё одна учительница не могла справиться уже с 3-им классом – совсем вышли из под-

чинения. Меня после каникул ставят на этот 3-ий класс. Так я доработал до весны 1947 года, использовал летние отпуски и вышел на работу. Вдруг в половине августа вышел приказ районо переводиться заведующим Кадкульской начальной школы и заняться её ремонтом. А я в Теренкуле получил квартиру, дом и купил корову. Пришлось корову увезти в Тирикуль к матери и брату. Да ещё колхозу Теренкуль помог наметать 90 тонн сена.

С августа месяца 1947 года начал работать в Кадкуле, а 6 ноября 1947 года женился.

В этом 1987 году исполнится 40 лет супружеской жизни. 21 сентября 1948 года появился на белый свет сын Пирогов Николай Васильевич. А 23 июня 1950 года появился второй сын Пирогов Александр Васильевич. В 1951 году 30 октября родилась дочь Пирогова Вера Васильевна. Все трое родились в деревне

Кадкуль Тирикульского сельсовета Бродокалмакского района Челябинской области.

В этой школе я проработал пять лет и почувствовал, что стало плохо с сердцем. Прямо ведёшь урок и глаза закроются. И так стало получаться чаще, и с сердцем хуже стало. Я уволился и на зиму поступил в село Алабугу зав клубом с осени 1952 года по июнь 1953 года. В этом селе родился третий сын Пирогов Михаил Васильевич 9 февраля 1953 года.

И росла так наша семья и стало шесть человек, а потом поросли веточки – всяк в свою сторону, и начали давать свои

побеги. А дерево становится мохначе, кудрявее. Росточки потянулись повсюду – в Долгую, Целиноград, Челябинск.

Летом 1953 года переехали жить в село Бродокалмак. Устроился работать в Бродокалмакскую МТС учётчиком тракторной бригады. Жили так до весны 1959 года, пока колхозы не объединили в один – Тирикульский. Тогда мы переехали жить в Тирикуль, в свой родной. Там работал я учётчиком тракторной бригады. Эта работа мне нравилась. Она была разнovidная – умственная и физическая. Много ходьбы делаешь по пашне, а не по дорожке гладенькой.

Учётчиком я работал с июля месяца 1954 года по февраль месяц 1967 года (15 лет).

Потом работал бухгалтером в Тирикуле с 22 февраля 1967 г по 1 марта 1968 года (1 год).

Потом в совхозе разнорабочим до 21 ноября 1968 года.

С 12 декабря 1968 года по 6 октября 1971 года начальником Тирикульского отделения связи. Временно переходил работать на почту из-за болезни ног и поясницы.

4 декабря 1971 года вновь поступил работать в Бродокалмакский совхоз разнорабочим и работал 8 годов скотником и 2 года сторожем на зерноскладе до 29 марта 1981 года. Был уволен из штата совхоза в связи с уходом на пенсию по старости Приказ №231 от 7 апреля 1981 года. Хотя и был на пенсии пока здоровье было, летом ещё работал помогал совхозу:

в 1982 году пас телят 3,5 месяца;

в 1983 году пас телят 4,5 месяца;

в 1984 году сторожил на зерноскладе 2 месяца.

Когда лежал в 1984 году в Челябинске в диспансере, совсем мне запретили работать и тяжёлое не поднимать. Вот за 1985-1986 годы подменял почтальона 15 дней.

16. В детстве

Когда начал работать в колхозе и что работал? После 2-3 класса работал только в сенокос, возил копны и волокуши. Это с 1932 года.

После окончания 4 и 5 класса работал в сенокос уже ездомом с тремя лошадьми, косили косилкой. А в уборку ездомом на самоброске и самовязке почти до школы.

После окончания 6-7 класса боронили на коровах и быках, возили снопы на лошадях, вязали снопы.

После окончания 8 класса пахали недопашки после тракторов, метали сено, жали серпом и вязали снопы. Работал все работы для взрослых, возили зерно на быках, сдавали государству.

Моим сыновьям Коле и Саше копны, и грабли ещё достались, а Вере и Мише уже нет. Сенокос только дома. Голода мои дети не видели – и не надо видеть всем и никогда. Или такой работы, как пахота на коровах и лошадях, распашка после недопашек тракторов в жару с оводами. Это с детства мне на вечную память осталось, а также голод и холод. Видимо, такая моя судьба, чтоб всё описанное пережить и дожить до счастливой жизни, но вот здоровья нет. Я уже не пишу об учёбе – она тоже не зря прошла, что-то оставила в моей жизни, отпечаток, да немалый, так до сих пор экзамены снятся. Ведь я окончил заочно 3-ий курс педучилища, но сделали

четвёртый и мне документ об окончании уже не дали.

Не работал, а сдал курсы на бухгалтера, где 2 месяца день и ночь не спал, а всё же получил корочки повышенной квалификации. В общем, есть о чём сниться.

Далее Василий Яковлевич приводит своё генеалогическое древо до определённого колена и пишет: «Дальше не знаю. Пускай живёт и умножается движение учёта предков».

17. Послесловие

Вот такая необычная судьба была у нашего героя. Жаль, что здоровье его подвело в конце пути и не позволило сполна насладиться плодами своих праведных трудов, как он хотел, но это и не удивительно после стольких-то испытаний во время войны. Возьмём же с него пример стойкости, мужества, силы воли и добродушия. Как мне показалось, язык изложения характеризует Василия Яковлевича, как неунывающего жизнелюба.

Большое всем спасибо, что дочитали до конца. Дай нам Бог жизни без войны.